Помимо этого понимание механизма стигматизации в рекламных сообщениях позволит обществу (государству) сформировать определенные морально-этические требования к рекламопроизводителям, выполнив функцию социального контроля и управления общественными структурами.

Список литературы

Гофман, И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. с англ. М.С. Добряковой (Goffman, E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – N.Y., 1963.

Корнилова, Е.Е. Слово и изображение в рекламе. – Воронеж, 2001.

Назаров, М.М. Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход: учебное пособие. – Самара, 2001.

Пронина, Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы. – М., 2000.

Савельева, О.О. Социология рекламного воздействия. – М., 2006.

© Пологонкина Е.И., 2010

А.Г. Смирнова

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СМИРНОВА Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (e-mail: agsmirnova2001@mail.ru)

Аннотации. *Обосновывается актуальность развития нового направления социологических исследований, связанного с изучением угрозы как элемента социального пространства. Определяются основные направления социологических исследований, призванные способствовать выработке концептуальных основ изучения угрозы в социологии.*

Ключевые слова: *угроза, национальная безопасность, социетальная безопасность, социальная структура, социальное познание, социология безопасности.*

Угроза и процесс ее познания традиционно не входят в сферу социологических исследований. Однако в последние годы появляется все больше

работ социологов, в которых угрозы рассматриваются в качестве важного компонента социального пространства. Можно предположить, что подобные исследования стали следствием переосмысления понятия «безопасность». В частности, государство уже не рассматривается как единственный объект обеспечения безопасности. Наряду с ним, в подобном качестве выступают социальные, этнические, религиозные и другие меньшинства (социетальная безопасность), индивиды с их базовыми потребностями (безопасность человека), а также мировое сообщество или человечество в целом (глобальная или всемирная безопасность). Кроме того, понятие безопасности указывает не только на физический и политический аспекты данного феномена. Обеспечение безопасности связано с поддержанием доступности экономических ресурсов, стабильности институтов, требующихся для поддержания необходимого уровня благополучия (экономическая безопасность); функционированием систем, которые поставляют и перерабатывают важную информацию (информационная безопасность), охраной природной среды как основы жизни человека и источника ресурсов (безопасность окружающей среды).

Таким образом, переход от государствоцентричного к социоцентричному рассмотрению безопасности расширил перечень возможных угроз, затрагивающих военную, политическую, экономическую, экологическую и социокультурные сферы. Как следствие, проблемы безопасности становятся объектом исследования не только политической науки, но и других отраслей знания, в том числе социологии.

В центре внимания социологии находится прежде всего *социетальная безопасность*, которая предполагает обеспечение существования больших групп, характеризующихся сложившейся идентичностью, объединяющей ее членов. Иначе говоря, содержание данного вида безопасности можно определить как «безопасность идентичности»[1]. Она связана с возможностью представителей нации говорить на родном языке, исповедовать религию, сохранить культуру. Понимание общества или отдельной социальной группы в качестве самостоятельного объекта безопасности зависит и от специфических угроз. Среди них: миграция, горизонтальное соперничество, связанное с возможностью изменения идентичности под влиянием доминирующей группы; вертикальное соперничество, предполагающее размывание или утрату идентичности в результате интеграционных проектов, и депопуляция[2]. В результате в сфере обеспечения социетальной безопасности возникает множество феноменов и процессов, нуждающихся в осмыслении с точки зрения социологии.

---

[1] *Buzan, B., Weaver, O., Wilder, J. de.* Security: a New Framework for Analysis.– London, 1998. – P. 120.

[2] Ibid. – P. 121.

Однако проблемное поле социологии безопасности не исчерпывается только изучением социетальной безопасности. Феномен *структурных угроз* позволяет обосновать данный тезис. Проблемы в области безопасности возникают не только вследствие деятельности акторов. Их появление зависит также и от контекста существующей социальной структуры. Иначе говоря, с одной стороны, опасности могут возникать в результате решений, принятых, например, правительством, или решений соответствующих ведомств и учреждений, в частности, намерения начать военные действия или утилизировать ядерные отходы на своей территории. С другой стороны, опасности коренятся в существующей социальной и политической структуре, экологической обстановке, они могут вызвать экономический кризис вследствие усиления открытости национальной экономики; повлиять на размер возмещения ущерба от промышленных аварий, загрязнения окружающей среды; иметь своим следствием истощение природных ресурсов из-за неэффективной организации производства и т. п. Для устранения подобных источников опасности необходимо не только изменить поведение отдельных акторов, но и реформировать правовые и политические институты, экономическую систему. Кроме того, важно выработать социальные нормы, которые бы были усвоены членами общества в процессе социализации и создали надежную основу для функционирования новых институтов.

Таким образом, феномен структурных угроз обусловливает необходимость рассмотрения проблем обеспечения безопасности сквозь призму взаимодействия агентов и социальной структуры, отдельных индивидов и общества в целом. Подобный ракурс изучения безопасности возможен именно в ходе социологического исследования. Кроме того, рассмотрение угроз в качестве своеобразного «побочного эффекта» функционирования общества позволяет включить в проблемное поле социологии безопасности не только угрозы, возникающие в межгрупповых отношениях, но и те из них, которые характеризуют экологическую, технологическую и экономическую сферы[1]. Не составляет исключения и область военно-политических отношений[2]. В результате изучение угроз безопасности постепенно перемещается с периферии проблемного поля социологии в ее центр.

Вместе с тем само понятие «угроза» пока не получило социологического осмысления. Необходимость решения этой задачи обусловлена тем, что в настоящее время актуальные социальные проблемы представлены как *угрозы национальной безопасности*. Однако правомерно ли применение данного термина в отношении экологических, экономических, социокуль-

[1] См.: Риск в социальном пространстве / под ред. А.В. Мозговой. – М, 2001.

[2] *Rasmussen, M.* The Risk Society at War: Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century. – Cambridge, 2006.

турных проблем, с которыми сталкиваются индивиды и общество в целом? Традиционно в сфере национальной безопасности угрозы рассматривались, во-первых, как направленные против государства и, во-вторых, как носящие интенциональный характер, т. е. предполагающие существование «врага». В этом случае функции по поддержанию безопасности возложены на организации, основная задача которых заключается в том, чтобы обезвредить противника. Подобные характеристики угроз и методы борьбы с ними не всегда применимы к проблемам, которые влияют на обеспечение безопасности общества и отдельной личности. Как следствие, они должны быть осмыслены с иных теоретических позиций, нежели угрозы национальной безопасности. Задача по выработке подобных теоретических оснований должна решаться при участии социологов.

Наряду с перечисленными исследованиями, можно выделить и такие направления социологического анализа проблем в области безопасности, которые не опираются на понятие угрозы, но тем не менее вносят вклад в разработку теоретических и методологических основ ее изучения в социологии.

Прежде всего, необходимо отметить значимость исследования в области *социологии риска.* Она определяется тем, что в ряде работ по проблеме безопасности угрозы рассматриваются в контексте существующих рисков. В частности, угрозы, с которыми сталкиваются индивид и общество в целом, характеризуются следующими особенностями:

во-первых, возникли *новые опасности*, с которыми человечество не встречалось ранее, или разрушительное воздействие которых пока еще не доказано, а в ряде случаев – не осознано. В качестве примера отметим возможный вред здоровью, причиненный продуктами, которые содержат генетически модифицированные организмы;

во-вторых, традиционные угрозы приобретают *новые черты*. К подобной категории угроз относится возникновение разновидности вирусов уже известных заболеваний (атипичная пневмония, свиной грипп);

в-третьих, изменениям подвергается и *приоритетность* угроз. В частности, такие источники опасности, как терроризм, деятельность транснациональных криминальных группировок, эпидемии заболеваний могут быть охарактеризованы как более вероятные в современном мире, нежели угроза ядерной войны, которая выступила базовым элементом концепции безопасности в период «холодной войны». Знаковыми в XX в. стали технологические угрозы, обусловленные усовершенствованием компьютерных технологий и повышением роли информации в жизни человека, дефицитом природных ресурсов, в частности, нефти, угрозы в экономической сфере, которые приобрели глобальный характер;

в-четвертых, угрозы в современном мире характеризуются *утратой или слабой выраженностью компонента намерения*. Данная характери-

стика проявляется двояко. С одной стороны, стихийные бедствия, экологические катастрофы, вспышки заболеваний вряд ли можно расценивать как чье-то намерение причинить вред. Корректнее было бы определить их в качестве структурных угроз, порождаемых средой. С другой стороны, даже если возможно определить, от кого исходит намерение причинить вред, оно редко формулируется открыто, зачастую лишь подразумевается. Более того, существуют такие угрозы, как, например, возможность применения оружия массового уничтожения, которые необходимо распознать и предотвратить, пока намерение причинить вред еще не сформировано.

Перечисленные особенности обусловливают поддержание высокого уровня *неопределенности*, в условиях которой осуществляется познание угроз безопасности. В свою очередь, ситуация, когда какой-либо ценности субъекта брошен вызов, и результат ее развития представляется неопределенным, может трактоваться как содержащая риск. В связи с этим социологические теории риска способны внести вклад в изучение сущности угроз и механизмов их познания в качестве элемента социальной реальности.

Вместе с тем в отмеченных выше исследованиях акцент сделан на изучении именно рисков, которые существенно отличаются от угроз по своим онтологическим характеристикам, последствиям, механизмам познания и стратегиям противодействия.

Кроме того, не утратили актуальность и угрозы в их традиционном понимании в качестве намерения одного субъекта причинить вред (физический, экономический и т. д.) другому субъекту, если последний не будет вести себя так, как ему предписывает угрожающий. Согласно данному определению, угроза представляет собой разновидность *субъект-субъектных отношений.* Можно утверждать, что в основе построения подобных отношений лежат механизмы, которые вряд ли могут быть обнаружены и объяснены с помощью теорий риска и поэтому предполагают формулировку самостоятельной социологической концепции угрозы и ее познания.

Понимание угрозы в качестве особого паттерна построения отношений между субъектами определяет два направления ее исследования. Первое предполагает изучение угрозы в качестве стимула, побуждающего субъекта изменить поведение. Как следствие, предметом исследования выступают характеристики данного стимула, *условия эффективной угрозы*. Второе направление связано с рассмотрением восприятия угрозы субъектом, в отношении которого она направлена.

В то время как исследования в русле первого направления принадлежат представителям различных отраслей политической науки, анализ воздействия угрозы на индивида и общество представлен и в социологии. В качестве примера можно привести работы П. Штомпки о *травматическом*

воздействии на общество социальных изменений[1]. Ученый определяет травму как оказывающую деструктивное воздействие на «социальное тело», проявляющуюся в расколе, смещении, дезорганизации «в упорядоченном, само собой разумеющемся мире»[2]. П. Штомка не использует понятие угрозы. Однако можно предположить, что она может выступать в качестве одного из источников травмирующих социальных изменений.

Однако наиболее значимыми представляются выводы П. Штомпки о природе травмирующих событий и механизмах их влияния на общество. В частности, воздействие травмирующего события оказывается настолько глубоким, что приводит к трансформации на биологическом и демографическом уровнях социальной структуры и существующей культуры. В связи с этим можно предположить, что познание угрозы, приводящей к социальным изменениям, предполагает не просто отражение сиюминутных событий, а сопряжено с трансформацией представлений субъекта о самом себе и субъекте, от которого исходит намерение причинить вред, а также с переосмыслением принципов построения отношений, базовых норм, правил и ценностей. При этом следует отметить, что произошедшие изменения отражаются в новых образах «Я» и «другого», проходят институционализацию и легитимацию в качестве новой основы построения межличностных, межгрупповых или межгосударственных отношений, обусловливают возникновение новой социальной структуры. В связи с этим социология как наука, изучающая структурные механизмы изменения и функционирования общества и составляющих его компонентов, формирующихся в процессе социального взаимодействия людей, представляет собой ключевую отрасль знания, которая позволяет осмыслить сущность угрозы как элемента социальной реальности.

Важен также вывод П. Штомпки о социальной детерминации познания травмирующих событий. Она проявляется в том, что «у каждой травмы есть центральные группы, глубоко переживающие и воспринимающие ее, и периферийные группы, для которых она – несущественна, маргинальна»[3]. Сказанное означает, что представители социальных групп воспринимают угрозы по-разному. При этом их оценки могут варьироваться от полного отсутствия опасности до ее завышения. Данный вывод служит объяснением расхождений в восприятии угрозы, которая, казалось бы, имеет очевидные «объективные» проявления, предполагающие совпадение оценок. Кроме того, он позволяет говорить о восприятии угрозы как о процессе *социального познания*.

Различия в восприятии травмирующих событий делают возможным описать важный социальный феномен в области проблем безопасности –

---

[1] См.: *Штомпка, П.* Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

[2] См. там же. С. 7, 10–11.

[3] Там же. С. 13.

«секьюритизацию»[1]. Секьюритизация представляет собой такую форму политизации проблемы, когда она начинает рассматриваться как угроза существованию. Для ее устранения требуется применить чрезвычайные меры, выходящие за пределы установленных политических процедур[2]. При этом необходимо отметить, что данный феномен возникает не только в условиях реальной угрозы, но и в тех случаях, когда проблема лишь *представлена* в качестве таковой.

Процесс секьюритизации может быть зафиксирован посредством анализа дискурса. Проблема приобретает статус угрозы безопасности в контексте применения субъектом особого речевого высказывания, в котором признается существование опасности, она также выражает настоятельное требование уделить пристальное внимание самому ее существованию. В нем также должен содержаться запрос на использование экстраординарных, нестандартных средств, позволяющих обеспечить безопасность. Данный процесс считается завершенным, когда категоризация событий как содержащих угрозу и призыв принять соответствующие меры по ее нейтрализации получают поддержку населения, представителей политической и научной элиты, средств массовой информации.

Значимость рассматриваемого феномена заключается в признании того, что угрозы безопасности представлены субъекту в интерпретациях, конструируемых посредством языка. Сделанный вывод вносит вклад в изучение механизмов познания угрозы. Кроме того, он позволяет утверждать, что секьюритизация проблемы может служить средством манипулирования общественным мнением или политическими оппонентами с целью получить определенные преимущества в сложившейся ситуации. Например, рассмотрение советской культуры как представляющей опасность для США десятилетиями служило оправданием гонки вооружений. Перевод проблемы пьянства в ранг угрозы национальной безопасности может стать основанием для выделения значительных средств на борьбу с ней.

Процесс репрезентации политических, экономических и социокультурных проблем как угроз безопасности неразрывно связан с *конструированием образа жертвы*. В качестве таковой выступают отдельные индивиды, группы и даже государства, которые пострадали в результате действий противоборствующих сторон. При этом их страдания как таковые должны обрести социальную значимость и для участников конфликта и для самой широкой общественности. Секьюритизация проблемы и конструирование образа жертвы, например, приобретают значение в ходе принятия решения о вмешательстве в конфликт, протекающий на территории другой страны. Как известно, в современном мире количество проводимых миротворческих операций меньше, чем существующих конфликтов. Данное обстоя-

[1] *Buzan B., Weaver O., Wildde J.de.* Security: a New Framework for Analysis. – P. 23–36.

[2] Ibid. – P. 23–24.

тельство служит подтверждением ключевой роли, которая принадлежит политическим акторам при принятии решения относительно того, какой конфликт станет частью дискурса безопасности и войдет в число приоритетных направлений внешней политики. Как и в случае секьюритизации, конструирование образа жертвы будет возможно только тогда, когда представленная репрезентация проблемы получит поддержку внутри страны и со стороны международной общественности, а также будет соответствующим образом представлена средствами массовой информации. Таким образом, отмеченные феномены позволяют продемонстрировать важность социологического видения процессов в области безопасности.

Завершая обзор социологических исследований безопасности, можно сделать вывод, что угрозы обусловливают появление целого ряда социальных процессов, которые нуждаются в систематическом изучении. Для освоения данной проблемной области социологи не только применяют уже сложившиеся теории, но и пытаются сформулировать новые подходы. Например, российский ученый В.Н. Кузнецов предпринял попытку разработать основы *социологии безопасности* в качестве социологической теории среднего уровня, которая ориентирована на «теоретическое и эмпирическое исследование состояния и динамики безопасности человека, народов России, общества и государства, современной цивилизации»[1]. Область ее исследования определена как «изучение отношений между людьми, между людьми и общественными институтами по поводу проблем жизнеобеспечения»[2]. При этом предметное поле данной отрасли социологии, с точки зрения автора, включает «анализ изменений основных институтов и процессов, обеспечивающих безопасность в разных сферах общественной жизнедеятельности»[3].

Вместе с тем, несмотря на то, что в социологии начинают складываться теоретические и методологические основания для изучения угрозы как элемента социальной реальности, исследования носят эпизодический характер. В связи с этим можно определить и ряд областей, нуждающихся в дальнейшем изучении.

Во-первых, как было показано ранее, в качестве объекта угроза чаще всего выступает не как таковая, а как последствия ее воздействия на индивида или общество. Угроза в качестве разновидности отношений между субъектами пока не получила всестороннего осмысления в социологии.

Во-вторых, многочисленные эмпирические исследования зафиксировали вариативность оценок рисков и опасностей представителями разных социальных групп. Кроме того, они продемонстрировали значимость процессов социального конструирования проблем в области безопасности.

---

[1] *Кузнецов, В.* Социология безопасности. – М., 2003. – С. 293.

[2] Там же. – С. 293.

[3] Там же. – С. 294.

Данное обстоятельство позволило предположить, что и восприятие угрозы носит социальный характер. Однако при этом остаются недостаточно изученными механизмы социального познания угрозы, особенно если иметь в виду социологическое понимание сущности этих процессов. В отличие от психологии, которая изучает ментальные репрезентации социальной структуры, ее проявления в мыслях и действиях субъектов, социология уделяет внимание социальной детерминации форм знания, условиям его хранения и использования различными социальными группами, а также социальным институтам и социальной структуре производства знаний.

По нашему мнению, сформулированные проблемы обозначают важные направления дальнейшего теоретического и эмпирического изучения угрозы в социологии.

Список литературы

Кузнецов, В. Социология безопасности. – М., 2003.

Риск в социальном пространстве / под ред. А.В. Мозговой. – М., 2001.

Штомпка, П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001. – № 1.

Buzan, B., Weaver, O., Wilder J.de. Security: a New Framework for Analysis. – London, 1998.

Rasmussen, M. The Risk Society at War: Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century. – Cambridge, 2006.

© Смирнова А.Г., 2010

М.Я. Федотова

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УНИКАЛЬНОГО ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО РАЙОНА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ОКИ И КЛЯЗЬМЫ

ФЕДОТОВА Мария Яновна – ассистент кафедры музеологии исторического факультета Владимирского государственного университета (e-mail: fedotowa.marya2010@yandex.ru)

Аннотация. *Освещается проблема формирования в рамках единого государства уникального этноконфессионального района в центральной части*